

Т.В. ГАЙДАЙ, к.э.н.,

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

РОЛЬ НЕФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУЦИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНЗИТОЛОГИИ

Институциональная экономическая теория (как традиционная, так и новая) относится к тем немногочисленным исследовательским программам, которые ставят перед собой задачу познания экономики как исторически эволюционирующей системы. При этом эволюция понимается как совокупность направленных изменений, происходящих в историческом времени под влиянием линейных и нелинейных связей, стихийных и сознательных факторов.

Комплекс методологических проблем эволюционных изменений занимает значительную часть предметного поля экономической транзитологии. В частности, в стадии активной разработки украинскими (А. Гриценко, В. Дементьев, В. Лагутин, И. Малый, С. Панчишин, Р. Пустовийт О. Прутская, В. Тарасевич, А. Чаусовский, В. Якубенко, О. Яременко и др.) и российскими (А. Аузан, В. Вольчик, Р. Капелюшников, Ю. Латов, Р. Нуреев, А. Олейник, В. Полтерович, А. Тарушкин, А. Шаститко и др.) учеными находится широкий круг проблем институциональной динамики и институционального проектирования в постсоветских странах.

Набор вариантов социально-экономического развития общества в целом детерминруется компонентами его институциональной структуры. К их числу традиционно относят формальные и неформальные институты, механизмы наблюдения за их соблюдением (monitoring) и принуждения к этому (enforcement) [6, с. 12; 14, с. 6; 13, с. 1]. Следует отметить, что объектом теоретических исследований отечественных и зарубежных авторов выступает преимущественно совокупность формальных институтов (официальных правил). Сравнительно меньшее внимание уделяется научному осмыслению совокупности неформальных институций (неофициальных правил). Вместе с тем актуальность и своевременность системного, фундаментального институционального исследования последних определяется тем, что возможные варианты институциональных изменений, результативность постсоветской институциональной модернизации в качестве своего основного условия и ограничителя предполагают необходимость согласования формальных и неформальных элементов институциональной среды общества, экономики. А достичь этого невозможно без

достаточного знания (познания) исторически сложившейся неформальной институциональной среды каждой страны в отдельности.

Структура неформальных институций многообразна. Это – установления, обычаи, традиции, неписанные кодексы и нормы поведения, хозяйственная этика, культурные стандарты, ментальные образцы и стереотипы и пр. В условиях естественного (natural), преимущественно эволюционного, развития общества совокупность неформальных институций исторически и логически составляет исходный базис для образования и развития на их основе формальных институтов как более поздних социально-экономических структур. Д. Норт справедливо замечает, что неофициальные правила (ограничения) отличаются большей степенью распространения по сравнению с официальными. Последние «даже в наиболее развитых странах составляют лишь небольшую (хоть и очень важную) часть совокупности таких ограничений» [6, с. 51]. При этом неформальные институции отличает сравнительно большая историческая долговечность, стабильность, тотальность или всеобщность распространения. Поэтому в значительной мере именно неформальные институции определяют возможные варианты институционального выбора страны, народа, нации, как в процессе длительной и непрерывной исторической эволюции, так и на этапах интенсивной (ускоренной и целенаправленной) институциональной модернизации.

В контексте углубленного изучения содержания и результативности институционального реформирования (проектирования) в постсоциалистических, и, преимущественно, в постсоветских странах прослеживается растущий научный интерес ученых-экономистов к осмыслению такой важной, а в определенной мере и определяющей составляющей неформального институционального строя (устройства) общества как экономической ментальности. С учетом этого, в частности, предпринимаются попытки идентификации ее национальных особенностей, доминирующих в отдельных постсоветских странах. Также исследуется степень соответствия национальных типов экономической ментальности, так сказать, универсальным

© Т.В. Гайдай, 2007

стандартам «рыночной ментальности». Это важно для формирования более реалистических представлений о действенности, результативности и возможных перспективах социально-рыночного реформирования в соответствующем данной стране сегменте постсоветского пространства.

Ментальность (от лат. *mens, mentis* – ум, мышление, рассудительность, образ мыслей, душевный склад) – совокупность глубинных социально-психологических установок и ценностей, автоматизмов и привычек сознания, психологических реакций, формирующих способы видения мира и представления людей, принадлежащих к той или иной исторической, национальной, социо-культурной общности. Как категория обществоведения, она характеризует духовно-психологическую сферу, ценностные ориентиры и способы мышления, выражает повседневный образ индивидуального и коллективного сознания. Введенное в научный оборот обществоведения XX ст. интеллектуальными усилиями французских исследователей социально-антропогенной и историко-психологической проблематики (Л. Леви-Брюль, Л. Февр, М. Блок, Л. Ж. Любье, Р. Мандру и др.), понятие ментальности достаточно быстро утвердилось в сфере социальной философии, социологии, социальной психологии, истории, антропологии и т.п. Встречное активное междисциплинарное взаимодействие экономической теории с другими общественными науками, усиление антропоцентризма ее отдельных течений (в частности традиционный и новый институционализм) способствует все более активному включению данной категории в современные экономико-теоретические исследования.

Закономерный научный интерес представляют сформировавшиеся подходы к определению сущности экономической ментальности как объекта исследования. Так, в глоссарии к учебнику «Институциональная экономика» Р. Нуреев следующим образом определяет содержание рассматриваемой категории: «**Экономическая ментальность (*economic mentality*)** - характеризует специфику сознания населения, складывающуюся исторически и проявляющуюся в единстве сознательных и бессознательных ценностей, норм и установок, отображающихся в поведении населения. Она включает стереотипы потребления, нормы и образцы взаимодействия, организационные формы, ценностно-мотивационное отношение к труду и богатству, а также степень восприимчивости

(или невосприимчивости) к зарубежному опыту» [3, с. 702]. Достаточно близкие по смыслу определения экономической ментальности предлагаются и другими авторами [11].

Большинством из них в содержание экономической ментальности включаются следующие основные структурные элементы:

- ценности, мотивы, нормы, образцы, табу экономического поведения и социального взаимодействия в сфере хозяйственной деятельности;
- ценностно-мотивационное отношение к труду и богатству;
- представление о приемлемости и предпочтительности организационных форм хозяйственной жизнедеятельности;
- стереотипы потребления;
- степень восприимчивости к зарубежному опыту и др.

Как любой социальный феномен, ментальность, в том числе и экономическая, подвержена историческим изменениям, но они происходят чрезвычайно медленно. Исследователь ментальности Ж. Ле Гофф следующим образом характеризовал эту ее особенность: «Ведь инерционность свойственна духу больше, чем материи. ... История ментальностей есть история замедлений. Кардинальная задача – разгадать ту связь, скорее духовную, чем логическую, в которой находятся эти разнообразные обломки ушедших миров. Другая проблема – понять, каким образом эта мешанина передается от поколению к поколению. Линейные концепции эволюции здесь, конечно, не годятся» [5, с. 41-42].

Инерционный или, в терминологии эволюционной теории, – рутинный аспект ментальности нашел отражение в разработанной Ф. Броделем концепции глобальной истории. Ученый относил ментальность к числу основополагающих глубинных долговременных факторов развития общества. Аналитически моделируя ход и факторы исторического общественного развития с позиции системного междисциплинарного подхода, Ф. Бродель сформулировал свою фундаментальную идею множественности социального времени [12, с. 204]. Как бы препарировав толщу истории, делая в ней своеобразный вертикальный срез, он различал ряд параллельно существующих временных пластов (уровней) общественного развития: время большой длительности, медленные ритмы временных изменений, быстрое время (Рис. 1).

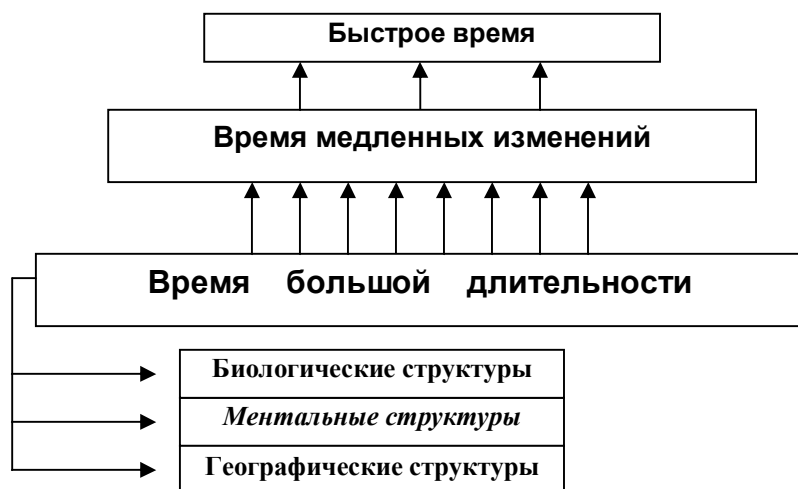

Рис. 1. Множественность уровней социального времени по Ф. Броделю

Определяющими, по Броделю, являются наиболее длительные процессы. Именно во времени большой длительности пребывают устойчивые, не меняющиеся столетиями географические, биологические и ментальные структуры. Ко второму уровню относятся медленные ритмы экономической конъюнктуры, демографические и политические процессы, происходящие со скоростью от одного до нескольких десятилетий. Быстрое время – время индивидов, фактов и событий. Процессы большой длительности являются, по мнению ученого, наиболее значимыми, поскольку «с этой глубины, с этой полунеподвижности можно понять все эти этажи, все множество разрывов исторического времени; все вращается вокруг нее» [12, с. 205]. На этой основе в изучении социально-экономического развития общества и цивилизаций Ф. Бродель призывал отказаться от событийной истории и перейти к исследованию глубинных процессов большой длительности, одной из основных детерминант которых являются ментальные структуры.

Большинство авторов считает, что ментальность выражает не столько индивидуальные установки каждого из людей, сколько внеличностную сторону общественного сознания. Некоторые исследователи полагают, что – это нечто коллективное и бессознательное, что ментальность характеризует синтез сознания и коллективного бессознательного, обобщенный способ восприятия мира, манеру чувствовать и думать. Поэтому в экономической ментальности можно, на наш взгляд, вычленить следующие структурные уровни ее реализации: – уровень бессознательного (подсознание, коллективное бессознательное, трансперсональное сознание); – уровень сознательного (осознание,

рефлексия); – уровень индивидуальной ментальности, единство сознательных и бессознательных (подсознательных, трансперсональных) ценностей; – уровень внеиндивидуальной ментальности – ментальность социальной группы, сообщества, общества, единство общепринятых в их пределах ментальных черт и установок.

Компонент бессознательного в ментальности носит преимущественно общечеловеческий либо транснациональный характер. Вместе с тем, набор и доминирование архетипов коллективного бессознательного в этно-национальном сознании предопределяет его ментальную самобытность. Также экономическая ментальность синтезирует и аккумулирует результаты всего предшествующего культурного развития, включая его общецивилизационные, общественно-стадиальные, этно-национальные и прочие параметры. При этом черты ментальности варьируют соответственно социально-экономической специфике ее носителей: их статусу, нуждам, интересам, целям и т.п. Широкою вариативность и специфичность экономической ментальности обуславливает ее национальный характер (тип), различный для отдельных этносов, наций, жителей разных стран и регионов. Наряду с этим определяющее влияние на формирование экономической ментальности оказывают влияние религиозная принадлежность ее носителей, формирующая моральные нормы и этические принципы.

Таким образом, экономическая ментальность является воплощением исторически сформированного индивидуального и общественного экономического сознания, специфический характер которого определяется биосоциальными факторами, культурным своеоб-

разием, этно-национальными и другими особенностями носителей ментальности. Ей присущи черты природного и культурного, эмоционального и рассудочного, иррационального и рационального, индивидуального и общественного. Считается, что понятие ментального позволяет соединить аналитическое мышление, развитые формы сознания с коллективным бессознательным – полуосознанными культурными шифрами и архетипами.

Научный приоритет введения в теоретический оборот ментальности социальных групп, как основополагающей институции, принадлежит ранним институционалистам. Основоположниками и представителями традиционного институционализма под институцией понимались выработанные предшествующим социальным развитием и унаследованные его последующими фазами устойчивые ментальные образцы, регулирующие и регламентирующие взаимодействие людей на уровне традиций, обычаев и права. В их интерпретации именно социально-психологическая, ментальная составляющая была доминирующим (если не единственным) элементом содержательного наполнения понятия институции.

Введение этого элемента в ткань экономического исследования берет свое начало в работах представителей философии прагматизма - К. Пирса и Дж. Дью, интеллектуальных предшественников, учителей Веблена и Митчелла. В частности, К. Пирс особо подчеркивал роль «мыслительных привычек» [9, с. 83]. В последующем Веблен также определял «институцию» как «стереотип мысли» (*habit of thought*). В работе «Место науки в современной цивилизации и другие аспекты» (1919) Т. Веблен пишет, в частности, об институциях как об «устоявшихся *навыках мышления* (курсив – Г.Т.), общих для большинства людей» [16, с. 239] и являющихся продуктом их длительного предшествующего историко-социального опыта. Подобным образом понимал институции У. Гамильтон, считая, что «это вербальный символ для лучшего обозначения ряда общественных обычаев. Они означают преобладающий и стойкий *способ мышления* (курсив – Г.Т.) или действия, ставший обычным для группы и превратившийся для народа в обычай» [15, с. 84].

В экономической транзитологии и институциональном проектировании стран постсоветского геополитического пространства категории национальной экономической ментальности еще предстоит занять надлежащее место, соответствующее ее важному когнитивному, методологическому и научно-практическому

значению. Национальная экономическая ментальность сообщает экономическому развитию нации устойчивость (рутинизованность). Созданию объективно благоприятных условий для усиления влияния фактора национальной экономической ментальности на ход институционально-экономического развития стран бывшего СССР способствовало обретение ими государственной независимости. Последовавшее за этим углубление процессов державотворчества способствовало этнокультурному развитию и пробуждению национальной исторической памяти. Что в свою очередь дало мощные импульсы для активизации национальной саморефлексии. Последнее, как правило, одновременно осуществлялось в двух ипостасях: как аналитическая реструктуризация национальной исторической ретроспективы, а также как определение и уточнение перспектив последующего институционального развития. Осознание и осмысления национальной идентичности с неизбежностью актуализирует выявление молодыми государствами постсоветского пространства собственных традиционных институциональных основ, особенностей доминирующих в них типов национальной экономической ментальности, степени ее конгруэнтности с предполагаемым направлением экономического реформирования.

Учет данного фактора позволяет пролить свет на своеобразие национального «Path dependence» ныне независимых государств, глубже различить историко-культурные предпосылки их современного институционального развития. В этой связи пристального научного внимания заслуживает проблема дивергенции национальных экономических систем стран бывшего СССР в ходе реализации ими имманентных вариантов институционального развития [4, с. 43-61].

Институциональная экономическая теория в Украине находится в процессе становления [2, с. 17-31]. Этим, в частности, объясняется немногочисленность публикаций тем или иным образом затрагивающих проблемы традиционного и современного институционального устройства украинского общества, а также отсутствие работ, непосредственно посвященных исследованию черт украинской экономической ментальности. Закономерный научный интерес представляет изучение влияния на ее формирование природно-географического фактора и геополитических особенностей Украины, ее экономической истории, национальной культуры. Как основа неформальной институциональной первоосновы предшествующего

развития, восходящего к современному состоянию общества, экономическая ментальность требует тщательного исследования в широком историческом, этнокультурном и институционально-цивилизационном измерениях.

В соответствии с наиболее распространенной точкой зрения, определенная схожесть и России, и Украины состоит в том, что в цивилизационном отношении они принадлежат к так называемым «пограничным» («переходным») цивилизациям между Западом и Востоком. Хотя этим предопределяется цивилизационная схожесть, но не идентичность указанных стран. Как известно, А. Тойнби в историческом развитии мира выделил двадцать одну цивилизацию [10, с. 67], причем из их числа семь (западная христианская, православная христианская, иудаистская, исламская, индуистская, дальневосточная, буддистская) – живые общества, а остальные четырнадцать – мертвые.

Большинство ученых относят Украину и Россию к единой православной христианской цивилизации. Поэтому, с одной стороны, безусловно, существуют глубокие духовно-ментальные основы институционально-цивилизационной схожести Украины и России, лежащие в плоскости их общей православной традиции, укорененной в Византийско-Восточнохристианской цивилизации. С другой стороны, в процессе последующего национального развития обоих народов в условиях позднего средневековья и в Новое время (XVI-XVIII ст.) происходила и углублялась естественно-историческая дифференциация национально-институциональных особенностей их развития. Так, в XIV-XVI ст. исторические судьбы юго-западных и северо-восточных древнерусских земель заметно разошлись. Не утрачивая черт цивилизационного единства, они приобрели характер отдельных субцивилизаций, которые условно именуются Западноправославной (украинско-белорусской) и Восточноправославной (московско-российской) [7, с. 94-115].

Определяющую роль в формировании ментальности украинского народа сыграло также особое геополитическое расположение Украины на перекрестке исторических путей с Востока на Запад и с Севера на Юг. Это обстоятельство обусловило объединение в мировоззрении украинца элементов западной (активно-рационалистической, индивидуалистической, материалистической) и восточной (страдательно-созерцательной, эндогенной, направленной на высшие истины) ментальности. Украина исторически и геополитически развивалась на перекрестке многообразных этнокуль-

турных (запад-восток) и религиозно-этических (православие-католичество-реформация) векторов влияния, что придало украинской ментальности мировоззренческую толерантность, сопутствующую практически всем этапам ее истории. Более прозападное гео-расположение Украины (длительное историческое повседневное взаимодействие периферийными, польско-литовскими формами Западного мира) сделало ее потенциально более восприимчивой, по сравнению с восточным соседом, к адаптации западных институциональных новаций [8, с. 38-39].

Украинская национальная экономическая ментальность сформировалась как элемент самобытной институциональной среды традиционного (украинского) общества, наиболее полно воплотившейся в козацко-гетманском строе Левобережья и Киева в XVII-XVIII ст. с центром в Запорожской Сечи. К ее основным формальным институтам можно отнести козацко-полковую строй; общественно-государственное устройство Сечи как варианта козацкой республики, выборность верховной (гетманской) власти; городское самоуправление на основе магдебургского права; роль городских православных братств (Киево-Могилянская академия); роль монастырей как очагов православной культуры и письменности и др.

Заложенные в недрах традиционного общества ментальные особенности украинской нации в дальнейшем предопределили своеобразие генезиса и развития капитализма (XIX – начало XX ст.), а благодаря особой диффузной природе ментальности, в XX ст. проявлялись и «разлитостью» в культуре, обыденном сознании и хозяйственной этике народа, нации. Последнее, на наш взгляд, предопределило совокупность таких определяющих элементов традиционного ментального украинского этнотипа, как индивидуализм „самоцентризм”, антиобщинное сознание, стремление к экономической самостоятельности, преобладание личных интересов над общественными, антиавторитаризм, антиэтатизм и др. [1]. Совокупность детерминант украинской экономической ментальности в ее общенациональном и региональном аспектах, несомненно, еще ждет надлежащей, в том числе и институциональной, разработки.

Вместе с тем, возникшие впоследствии ментальные провалы и деформации (в т.ч. и как следствие тоталитарной эпохи), безусловно, препятствуют полноценному развитию общества, и в этом своем качестве становятся институциональными ловушками в процессе реали-

зации социально-экономической рыночной модернизации. Поэтому серьезное изучение фактора национальной экономической ментальности, в том числе и силами экономической науки, имеет важное научно-практическое значение. Это необходимо для глубокой институционально-ментальной саморефлексии нации, без чего невозможна оптимизация ее институционального развития.

Литература.

1. Гайдай Т.В. Теоретико-методологические основы институционального анализа экономической ментальности // Международный научно-теоретический семинар «Россия: варианты институционального развития», Государственный университет Высшая школа экономики, Интернет-конференция: <http://www/ecsocman.edu.ru/db/msg/>
2. Дементьев В.В. Институциональная теория в Украине: направления исследований, особенности, перспективы // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. Выпуск 103-1. – Донецк, ДонНТУ, 2006.
3. Институциональная экономика./ Под общ. ред. А. Олейника. – М.: ИНФРА-М, –2005.
4. Куценко О.Д. Расходящиеся общества: особенности системной трансформации в России и Украине // Мир России. – 2006. – Т. XV. –№ 3.
5. Ле Гофф Ж. Ментальности: двусмысленная история // История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1992.
6. Норт Д. Институції, інституційна зміна та функціонування економіки. – К.: 2000.

7. Павленко Ю. Етнічний розвиток Київської Русі // Генеза. – 1-2 (6-7) 1988.

8. Павленко Ю. Институциональные основы традиционного украинского общества и проблемы современности // Экономическая теория. – 2005. – № 3.

9. Тавено Л. Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук. // Институциональная экономика. / Под общ. ред. А. Олейника. – Г.: ИНФРА-М, 2005.

10. Тойнби А. Постижение истории. – М., 1996.

11. Экономическая ментальность россиян: Тула – Россия – мир (грантовое исследование № КТК- 292-2-02. Ю.В. Латова, Н.В. Латова, Т.С. Вуколовой) // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/115492.html>.

12. Braudel F. Histoire et sciences sociales: La longue duree // Annales: ESC, 1958, № 4. – P. 728 / Цит. по: THESIS, 1993. Вып. 1.

13. Campbell J.L. Institutional Change and Globalization. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004.

14. Furubotn E.G., Richter R. Institutions and Economic Theory. The Contribution of the New Institutional Economics. – The University of Michigan Press. – 1998.

15. Hamilton W. Institution. Encyclopaedia of the Social Sciences. – New York, 1932. – v. VIII.

16. Veblen T. The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays. – N.-Y.: Huesch, 1919.

Статья поступила в редакцию 14.01.2007

Т.В. ГОЛІКОВА, к.е.н.,

Національна академія державного управління при Президентіві України

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНА ПАРАДИГМА УПРАВЛІННЯ ТЕРИТОРІАЛЬНИМ ЕКОНОМІЧНИМ РОЗВИТКОМ

В Україні пошуком дієвих механізмів узгодження економічних інтересів держави і територіальних утворень, які перебувають під її юрисдикції, займаються на тлі переосмислення „розв’язувальних здатностей” існуючих уявлень про організацію державного управління економічними розвитком внутрікраїнових регіонів і можливостей адаптації цих уявлень до вітчизняних реалій. На відміну від „здорового глузду” – способу осмислення реальності шля-

хом, так, би мовити, проб і помилок, науковий підхід до її пізнання передбачає використання методологічного інструментарію, тобто спеціально розроблених і свідомо застосовуваних технологій вивчення відповідного предмету.

Управління є провідною сферою діяльності в соціально-економічних системах – яка якість управління – така якість динаміки ціліс-

© Т.В. Голікова, 2007